

ОСТАЛСЯ ПЛАТОК НА БЕРЕЗЕ

Здесь душманские буры
стерегут перевалы,
И в тревожных рассветах
рождается день...

*Игорь Морозов.
Из "афганской" песни*

Младший сержант Николай Рожков ступил на горячую землю Афганистана в первом эшелоне наших войск. 21 января 1980 года он писал родным: "Еду по собственной воле: писал рапорт, чтоб отправили. Сейчас уже точно знаем, что в Афганистан. Завтра получим оружие, боевые патроны, и послезавтра, наверное, переправят через границу. <...> Короче, как я уже писал, едем для защиты афганской революции".

Воевал Николай всего семь месяцев. В те годы печать молчания ложилась не только на средства массовой информации. Она давила и на содержание писем, что шли из Афгана в Союз. Неудивительно, что три четверти каждого письма от Николая отцу, матери, сестрам посвящены описанию погоды, афганской экзотики или многочисленным вопросам о житье-бытье в милых сердцу Нижних Слободах. А о воинских делах – две-три строчки, да и то иногда намеком.

"Почти весь июнь находились в рейде, 1 июля возвратились обратно. Прошел он нормально. 2 июля поставили на заставу. Ни занятий, ни каких работ – только служба по ночам. Пару часов отстоишь – вот и все. Короче – отдыхаем..."

Не правда ли – очень будничное повествование! А чуть дальше, отвечая на вопрос мамы о том, где они живут, Николай как бы походя замечает: "У нас есть большие палатки на 40 человек в среднем, а там койки поставлены. Но больше приходится жить под открытым небом, так как в лагере живем мало... в рейдах и на заставе большее время".

В одном из первых писем Коля признает: "Обстановка здесь напряженная. Находимся в военной или, можно ска-

зять, фронтовой обстановке. Спим с автоматами. Из этого можно сделать вывод без лишних слов, чем занимаемся... Много писать не буду, да и не все можно писать”.

О первых месяцах афганской войны еще и сегодня многое не известно. Еще и сегодня мы не знаем подробностей того последнего для Николая боя, в который вступила 23 августа группа разведчиков и в котором встретил смерть младший сержант Рожков, выполнивший свой солдатский долг до конца. Однополчанин и друг Николая Юрий, что сопровождал гроб с телом боевого товарища на родину, сам в том бою не участвовал и не смог что-либо рассказать. Но Юра свято чтит память павшего друга, поддерживает связь с его семьей. Уволившись в запас, он в первую очередь приехал на Вологодчину, чтобы побывать на сельском кладбище, поклониться знакомой могилке.

Какой бы скупой ни была информация, нет сомнения, что орденом Красной Звезды (посмертно) награжден человек достойный. Эта уверенность вытекает из писем сослуживцев Николая, воспоминаний его одноклассников, учителей. Боевые друзья Николая писали его родителям Сократу Гавриловичу и Ольге Федоровне: “...Мы потеряли отличного, смелого боевого товарища, преданного друга”. И письмо такого рода – не единственное.

На последнем школьном уроке, 26 мая 1978 года Коля написал трепетное письмо Марине... Слезы навертываются на глаза, когда сейчас читаешь строки ее воспоминаний.

“Он ушел из жизни девятнадцатилетним, встретившим всего девятнадцать весен, – пишет Марина Владимировна, ныне сама педагог, директор школы. – А ведь он любил жизнь. <...> Хотел, возвращаясь домой в жаркий полдень, умыться чистой родниковой водой, а глядя в бездонное голубое небо, мечтать и радоваться, смеяться и плакать, растить детей. <...> Озорные, распахнутые настежь глаза, открытое, доброе лицо, постоянная улыбка – таким запомнился мне Коля. И еще почему-то в памяти моей всегда его руки. Да-да, у него были такие гибкие, пластичные пальцы, руки были не грубые, а мягкие и нежные... Этим рукам дарить бы цветы любимой девушке, а не держать холодную сталь автомата. <...> Непоседливый, работающий, смелый – вот какой был наш Коля в детстве. А в отрочестве и ранней юности Коля был, если точнее выразиться, “негромким” парнем. Не пытался удивить мир чем-то сверхоригинальным...”

И в воспоминаниях классного руководителя Зинаиды Николаевны Розовой есть похожие строки: “Обыкновенный, как все... Учителя, как и других ребят, отчитывали его за шалости. Разве что ему побольше других попадало, потому что он не умел схитрить, не умел выкрутиться и всегда удар принимал на себя”.

Обыкновенный-то, конечно... Но разве готовность всегда принимать удар на себя из числа обычных, рядовых, ординарных качеств человека? Значит, было в Николае и необыкновенное! А в том, последнем бою, может быть, и проявилась со всей силой его готовность принять удар на себя.

* * *

Родился Коля 25 февраля 1961 года в деревне Засухонской Нижне-Слободского сельского совета Вожегодского района. Родился и вырос в хорошей, крепкой трудовой семье Сократа Гавриловича Рожкова, ветеринарного работника колхоза им. Ленина, и Ольги Федоровны, медсестры Верхне-Кубенской больницы. Детские годы Николая пришлось на тот период, когда стал нарастать пагубный процесс обезлюдения, вымирания российского Нечерноземья, самоликвидации “неперспективных” деревень. Но Коля еще многое застал, увидел, почувствовал, прикипел к тому, что составляло богатство и красоту отчего края.

Еще хрустально чисты, холодны и богаты рыбой были струи речки Муж. Еще не заросли кустарником и дикой травой знаменитые сенокосы по реке Кубене, жемчужине Вологодчины. А сама Кубена доставляла громадное удовольствие сотням разновозрастных рыбаков, по-настоящему влюбленных в неброскую северную природу. Коля Рожков среди них был не последним.

Еще богаты были дичью, грибами и ягодами вожегодские леса. Много водилось в них медведей, лисиц, кабанов, волков. И Николай пристрастился к охоте. В отрочестве и юности не раз ходил с соседом, бывалым охотником М. М. Лаповым, на медведя, встречал на лабазах алуую зарю.

Рос Николай работающим, трудолюбивым парнем. Много помогал по хозяйству родителям, носил воду и дрова дедушке, азартно косил траву и стоговал сено на кубенских покосах; с любовью, заботливо мастерил игрушки, ножи и ножички, ружья и наганчики. Его самодельный охотничий

нож экспонируется ныне в Музее истории молодежного движения.

1 сентября 1968 года Коля пошел в первый класс Верхне-Кубенской школы. Был, как и все, октябренок, в третьем классе вступил в пионеры. С девятого класса и до последнего дня жизни – комсомолец. Учился средне, больше тянулся к предметам гуманитарного цикла, хотя и в попытках на уроках физики участвовал с большим удовольствием.

Не лидируя в учебе, он в общественной работе, в делах трудовых всегда был впереди. “Интересный, веселый, жизнерадостный, – пишет классный руководитель, – среди ребят Коля был вожаком...” Не случайно в военно-спортивной игре “Зарница” он был заместителем командира отряда, а в игре “Орленок” – командиром, да каким! Сильный и авторитетный организатор! На областном финале в награду за успешное выступление отряда орлят получил спиннинг, чем Коля страшно гордился.

Николай будто специально готовился к трудностям предстоящей армейской службы. Обратимся снова к воспоминаниям Марины Владимировны: “Он был неотразим на уроках физкультуры! Весь как взвинченная пружина. Он так легко занимался на турнике, бегал на лыжах, прыгал, что весь класс вместе с учителем не переставали удивляться его рекордам”.

После окончания средней школы Николай по комсомольской путевке пошел работать в родной колхоз им. Ленина. Осенью его направили учиться в Вологодскую автошколу ДОСААФ, где он получил специальность шофера. Затем несколько месяцев, до призыва, поработал в колхозе трактористом. МТЗ знал как свои пять. Сказался большой опыт, приобретенный в ученической производственной бригаде. Ведь еще в девятом классе он прекрасно управлял трактором, самостоятельно пахал школьный участок. Но весной 79-го ему не довелось провести свою первую весеннюю борозду. 22 апреля Николая призвали в армию.

В тот памятный весенний день родные, друзья, близкие по традиции провожали его пешком до заветного серого камня и белой березы, что в поле за деревней Якунинской. Десятилетиями так сложилось, что призывники, уходя на службу, привязывают к березовым веткам носовой платок как память о себе. Так было и на этот раз. Николай ловко забрался на березу и повесил платок на самую высокую ветку. В ответ на добрые напутствия с веселой улыбкой

сказал провожающим, что через два года обязательно вернется. И никто не мог и мысли допустить, что видит Николая в последний раз.

Дальше будет учебная рота, короткая служба в Печенге, затем Афганистан, последний бой, небытие, вечность. И наша память, и память тех, кто вернулся живым из Афгана. Тех, о ком Коля писал 8 февраля 1980 года: “Взвод у нас подобрался хороший. Может быть, потому, что здесь нет ни молодых, ни стариков... Опять же неразлучная наша троица – вместе попали. С друзьями, короче. Хотя сделали много расформирований, но мы держимся вместе...”

Всегда будут помнить Николая его лучшие друзья-одноклассники: Владимир Лебедев, Владимир Мазанов, Леонид Ершов. Помнят его и сегодняшние верхнекубенские школьники. Ребята собрали и любовно оформили богатый материал о герое, ухаживают за его могилкой, ежегодно отмечают день рождения павшего земляка.

В. Гостинцев